

«СКОРО ОСНОВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ ЮРИСТОВ БУДЕТ НЕ КОММЕРЧЕСКОЕ, А КРЕПОСТНОЕ ПРАВО»

УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ «ДЮВЕРНУА ЛИГАЛ» ЕГОР НОСКОВ СОВЕТУЕТ РОССИЙСКИМ БИЗНЕСМЕНАМ ФОРМАЛЬНО СООТВЕТСТВОВАТЬ БУКВЕ ЗАКОНА НАСТОЛЬКО, ЧТОБЫ ДАЖЕ РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ НЕ НАХОДИЛО В ИХ ДЕЙСТВИЯХ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. В ИНТЕРВЬЮ BG — ПОЧЕМУ КОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНЕ РАЗБИРАЮТСЯ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ, А НЕ СУДАМИ, КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СДЕЛКА МОЖЕТ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, А ТАКЖЕ ЧТО РОДНИТ РЫНОК ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ С РИТУАЛЬНЫМ. БЕСЕДОВАЛ ОЛЕГ ДИЛИМБЕТОВ

BUSINESS GUIDE: В России притесняют многие сферы деятельности, в том числе и адвокатуру, что вы об этом думаете?

ЕГОР НОСКОВ: Адвокатура в России — действительно многочисленное, но разрозненное сообщество. Как оказалось, ее представителей очень легко атаковать, поскольку весомой политической силы адвокаты не представляют. Это неудивительно: так как в уголовном процессе от адвоката зависит очень немного. В странах — поставщиках иноагентов арест и уголовное дело против адвоката — всегда грандиозный скандал. У нас же это обыденность.

Тем не менее по сравнению с другими направлениями специалисты в уголовном праве чрезвычайно востребованы — просто в связи с большим количеством уголовных дел, задержаний и следственных действий. Другие отрасли права, которые последние двадцать лет делали кассу большинству юридических фирм — например, корпоративное, — отдаются на аутсорсинг все реже и реже из-за укрупнения околосударственных структур и массовых банкротств малого и среднего бизнесов.

В свою очередь, большинство законодательных инициатив очень напоминает движение во времени в обратную сторону, и, как мы шутим, скоро основной специализацией юристов будет не коммерческое, а крепостное право.

BG: Какая юриспруденция востребована в наше время?

Е. Н.: Та, которая связана с конфликтами. По сути, партнеры юридических фирм переквалифицируются в конфликтологов или медиаторов.

BG: Как изменилось понятие корпоративного конфликта?

Е. Н.: В теории корпоративный конфликт происходит между акционерами или между акционерами и менеджментом предприятия. Сейчас в это понятие попадают также конфликты бизнесменов, компаний друг с другом, заказчиков и поставщиков. Именно такие споры являются не только наиболее маргинальным, но и рискованным бизнесом российских юридических фирм. Международные юрфирмы в России этим, как правило, не занимаются, специализируясь на сопровождении транснациональных сделок: слияниях и поглощениях. Российским юридическим фирмам на сокращающемся частном секторе зара-

ЕГОР НОСКОВ

батывать все сложнее. Крупнейшие околосударственные компании сами становятся транснациональными и начинают пользоваться услугами международных игроков. А сотням и тысячам средних компаний приходится обслуживать стагнирующий частный бизнес, которого становится все меньше. Так что современные юридические услуги все больше напоминают ритуальные.

BG: Резко ли нынешние реалии вашей деятельности контрастируют с тем, что было, например, три года назад?

Е. Н.: В стагнирующей экономике происходит всплеск неисполнения обязательств друг перед другом. Обычно бизнесу легче перекредитоваться, привлечь инвестора, но когда денег в системе остается все меньше, получается — как в любимой моими детьми игре Fortnite, где пространство все время сжимается. В такой экономике возрастает частота неисполнения обязательств. Денег становится меньше, происходит кризис неплатежей, а затем — всплеск корпоративного насилия, который приводит к уголовным делам.

BG: Уголовные последствия для тех, кто не исполняет обязательства, — это проблема?

Е. Н.: Да. В России многие годы складывается нерешаемая ситуация, когда в лю-

бой гражданско-правовой сделке можно увидеть состав преступления. В широком смысле экономика — это не только деньги, но и производящие товары и услуги люди, а в первую очередь — предприниматели. И если они вместо того, чтобы заниматься своим делом, тратят свое время и нервы и здоровье на допросы, суды и взаимодействие с проверяющими, то это порождает и социальные проблемы.

Превратить любой коммерческий конфликт в уголовное дело можно на множестве уровней любого из правоохранительных органов. В нашумевшем деле Baring Vostok российский суд закрепил практику, что в любом сложном опционном соглашении, заключенном по иностранному праву, российским следственным органом может быть выявлено преступление. Легкость переквалификации арбитражного спора в уголовное дело порождает уже не нервность, а панические настроения в бизнесе.

Идея общества с ограниченной ответственностью, известная со времен римского права, заключается в том, что собственник рискует только имуществом, внесенным в уставный капитал, а не всем своим имуществом, а заодно и личной свободой. Тем не менее за последние несколько лет практически все отзывы лицензий у коммерческих банков закончи-

лись уголовными делами и субсидиарной ответственностью банкиров.

BG: Какой вид бизнеса сейчас наиболее рискован?

Е. Н.: Любое дело, связанное с государственным финансированием. Каждая госкопейка находится под строжайшим контролем, и мне сложно представить системно неинтегрированного предпринимателя, который возьмется сейчас что-то строить или поставлять на бюджетные деньги. Не хватит газетной полосы, чтобы перечислить всех арестованных подрядчиков крупных государственных строек.

BG: Мы только что избрали новых депутатов Государственной думы. Что они должны сделать, чтобы улучшить ситуацию?

Е. Н.: Я думаю, Госдуме нужна политическая воля, чтобы это изменить. Но есть предположение, что избранные депутаты не посчитают эту проблему настолько приоритетной, насколько она видится приоритетной мне.

BG: Если рассчитывать на это не приходится, как бизнесмен сам может себя обезопасить?

Е. Н.: Любой бизнес в России сейчас чрезвычайно сложно вести, поминутно не входя в нарушение Уголовного кодекса. Правила игры, которые придумали не предприниматели, зачастую предполагают постоянное совершение действий, которые при расширительном толковании легко могут стать составом таких преступлений, как коммерческий подкуп, дача взятки или мошенничество. Единственный совет: нужно знать Уголовный кодекс и формально соответствовать букве закона настолько, чтобы даже расширительное толкование не в пользу бизнесмена не находило состава преступления.

BG: Как вы оцениваете наличие такой меры пресечения, как заключение под стражу по экономическим преступлениям?

Е. Н.: Думаю, что все юристы и бизнесмены солидарны: это чрезмерно, так как изолировать от общества в первую очередь необходимо лиц, представляющих общественную опасность. В большинстве европейских стран в качестве гарантии, что лицо не скроется от суда и следствия, используются залоговые инструменты. Этот инструмент крайне непопулярен в нашей стране, так как не находящийся под замком подозреваемый не склонен идти на признание вины, которая со времен СССР считается у нас царницей доказательств. ■